

Каптерев Николай Фёдорович

**Характер отношений России
к православному Востоку в
XV столетии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Фёдорович К.**
Характер отношений России к православному Востоку в XV столетии / Кап-
терев Николай Фёдорович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 583 с.

ISBN 978-5-519-88119-7

ISBN 978-5-519-88119-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Арсеній, по его собственному сознанию на слѣдствіи, дѣйствительно былъ ученикомъ іезуитовъ и, отказавшись отъ православія, принялъ латинство, а по возвращеніи въ Константинополь былъ обращенъ въ мусульманство, почему московское правительство и сослало его въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Понятно, что со стороны Никона было очень нетактично брать и приближать къ себѣ такого крайне сомнительнаго въ глазахъ русскаго общества чело-
вѣка, а тѣмъ болѣе было крайнею неосторожностію поручать Арсенію исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ. Въ виду указанныхъ фактовъ я и высказалъ въ своемъ изслѣдованіи ту мысль, что церковная реформа Никона нуждается въ пересмотрѣ и провѣркѣ, и что на нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, заявленія ея противниковъ никакъ нельзя смотрѣть только какъ на продуктъ невѣжества и клеветы.

Эти мои заявленія крайне смутили тогдашняго officialнаго полемиста съ старообрядцами—профессора Субботина. Онъ рѣшительно отказался дать мнѣ степень доктора, если не будетъ измѣнено и перепечатано въ желательномъ ему смыслѣ мое краткое, впрочемъ, замѣчаніе о реформѣ Никона. Пришлось исполнить требованіе Субботина, и мѣсто о реформѣ Никона, въ нѣкоторыхъ „официальныхъ“ экземплярахъ книги, было мною перепечатано. Тогда Совѣтъ Московской Духовной Академіи присудилъ мнѣ за мое изслѣдованіе степень доктора церковной исторіи. Дѣло пошло затѣмъ на утвержденіе Св. Синода. Синодъ согласился съ заключеніемъ Академическаго Совѣта и утвердилъ за мною искомую степень. Но тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, вѣроятно по частнымъ представленіямъ ему проф. Субботина, отмѣнилъ постановленіе Синода и отказался утвердить меня въ степени доктора на томъ основаніи, что я будто бы непочтительно „отзываюсь въ свой книгѣ о матери нашей греческой церкви, хотя о греческой церкви я не дѣлалъ въ книгѣ никакихъ отзывовъ, а отзывался только о тѣхъ греческихъ просителяхъ милостыни, которые ради этого пріѣзжали въ Москву и между которыми встрѣчалось не мало разныхъ авантюристовъ.—Пришлось, для полученія степени доктора церковной исторіи, написать новое изслѣдованіе, за которое, наконецъ,

мнѣ и дана была искомая ученая степень ¹⁾. А между, тѣмъ, опороченное Побѣдоносцевымъ мое изслѣдованіе встрѣчено было въ обществѣ очень благосклонно. Профессоръ, а потомъ академикъ, Пыпинъ въ тогдашнемъ передовомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ о моей книгѣ особую статью (за 1884 г.) подъ заглавіемъ: Греки въ Московскомъ царствѣ, въ которой подробно передалъ ея содержаніе и далъ о ней очень лестный отзывъ. Академія Наукъ присудила мнѣ за эту книгу малую Уваровскую премію. Въ короткое время книга сдѣлалась библиографическою рѣдкостью, что и побудило выпустить ее теперь вторымъ изданіемъ, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ еще не появлялось новыхъ изслѣдованій, которыя бы обнимали собою всю совокупность сношеній Россіи съ православнымъ востокомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ это сдѣлано въ моей книгѣ.

Н. Кантеревъ.

Сергіевъ Посылъ,
1913 г., 30 іюля.

¹⁾ Вскорѣ послѣ „Характера“ мной было написано новое изслѣдованіе: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, М., выпускъ I, 1887 г.; но намѣренію подать его въ качествѣ докторской диссертациі пришлось оставить, такъ какъ печатанію его было запрещено К. П. Побѣдоносцевымъ на 2-мъ выпускѣ. Пришлось написать третье изслѣдованіе: — „Сношенія іерусалимскаго патріарха Досифея съ русскимъ правительствомъ 1669—1707 гг.“ Москва, 1891 г., не затрогивающее никакихъ острыхъ вопросовъ, за которое, наконецъ, и дана была мнѣ степень доктора церковной исторіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Принявъ отъ грековъ христіанство и вступивъ чрезъ это въ семью европейскихъ государствъ, русскіе должны были построить всю свою жизнь согласно новымъ для нихъ христіанскіи-культурнымъ требованіямъ. Имъ, какъ народу, только что еще начинавшему свою историческую жизнь, приходилось все строить и урять у себя съ самаго начала. Въ силу того историческаго закона, по которому некультурный народъ всегда подчиняется другому, обладающему старою, развитою культурою, и находится подъ его духовною опекою до тѣхъ поръ, пока не наживетъ своего собственнаго культурнаго капитала, — русскіе необходимо должны были, на первыхъ порахъ своей жизни, подчиниться вліянію и опекѣ просвѣтителей своихъ христіанствомъ—грековъ. Съ какой бы стороны русскій ни сравнивалъ себя и свое съ греческимъ, онъ долженъ былъ признать рѣшительное превосходство надъ своимъ всего греческаго, долженъ былъ признать, что грекъ мудрѣе его, болѣе опытенъ, свѣдущѣе и, что главное,—болѣе образованъ. Все, на что молодая русская жизнь заявляла свои запросы и требованія, на все могла дать отвѣты, всему могла удовлетворить зрѣлая и развитая культура грековъ. Русскому, поэтому, приходилось брать все готовымъ у грековъ и пересаживать взятое на свою еще дѣвственную почву, приходилось всему учиться у грека, подражать ему и, въ концѣ концовъ, смотрѣть на него, какъ на своего руководителя и опекуна. Иного образа, иного примѣра для подражанія русскіе не имѣли предъ

глазами, такъ какъ этимъ инымъ могъ быть только латинскій западъ, но онъ былъ отгороженъ отъ нихъ самою крѣпкою и непроницаемою стѣною. Греки на первыхъ же порахъ позаботились внушить русскимъ представленіе о латинянахъ, какъ о самыхъ злыхъ еретикахъ, съ которыми не слѣдуетъ вступать ни въ какія сношенія, которыхъ всегда и всячески нужно сторониться. Эти внушенія имѣли полный успѣхъ, чѣмъ надолго уничтожена была возможность сближенія русскихъ съ болѣе образованнымъ западомъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, греческій авторитетъ на Руси дѣйствовалъ безъ помѣхи, безъ конкуренціи, а потому необходимо особенно сильно, всесторонне и продолжительно. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій русскіе мало или даже вовсе не выражали дѣятельнаго желанія избавиться отъ греческой опеки, хотя, конечно, и видѣли нѣкоторыя ея неудобныя для себя стороны; грекъ, какъ представитель и носитель высшей христіанско-европейской культуры, былъ для нихъ рѣшительно необходимъ, и замѣнить его, до позднѣйшаго сближенія съ западомъ, было нечѣмъ.

Во всѣ стороны русской жизни болѣе или менѣе испытали на себѣ греческое вліяніе, но главнымъ центральнымъ пунктомъ, на которомъ греческое вліяніе чувствовалось и сосредоточивалось по преимуществу, гдѣ оно царило всецѣло и всеміи признавалось, — была религіозно-церковная жизнь русскаго народа. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Русь въ церковно-правительственномъ отношеніи была только частью константинопольскаго патріархата, обреченною воспроизводить въ себѣ то, что было выработано и установлено греческою церковью, обязанною всегда и во всемъ быть вѣрною своей руководительницѣ, быть ея отображеніемъ, копіею. Рѣшительное подчиненіе русской религіозной жизни греческому вліянію усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что митрополитъ, глава и управитель всей русской церкви, избирался и поставлялся константинопольскимъ патріархомъ по большей части изъ грековъ; что всѣ возникавшіе на Руси вопросы, недоумѣнія, споры, сомнѣнія рѣшалъ константинопольскій патріархъ, которому принадлежалъ верховный надзоръ и верховное водительство всеміи русскими церковными дѣлами. Это всецѣлое подчиненіе

русской церкви константинопольской греки считали вполне естественнымъ и даже необходимымъ, чтобы насадить и укоренить на Руси православіе, поборниками, представителями и авторитетными знатоками котораго они считали только себя. Они лучше и вѣрнѣ знали, что православно и что нѣтъ, а потому лучше всѣхъ могли руководить религіозною жизнью молодого, неопытнаго еще народа, лучше всѣхъ могли оберечь и охранить его отъ возможныхъ ошибокъ, заблужденій и стороннихъ вредныхъ вліяній. Съ своей стороны русскіе, въ сознаніи своей неопытности и незрѣлости въ христіанской жизни, безусловно отдали себя водительство болѣе зрѣлыхъ и опытныхъ грековъ. Сомнѣній въ ихъ пригодности для такой роли, сомнѣній въ ихъ компетентности въ дѣлахъ вѣры, а тѣмъ болѣе въ ихъ безусловной преданности православію тогда еще не существовало: греки въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ были людьми, болѣе благочестивыми и болѣе святыми, нежели они, русскіе ¹⁾).

Такъ, вѣлѣдствіе принятія русскими христіанства отъ грековъ, произошло не только простое сближеніе одного народа съ другимъ и не одно только культурное религіозное подчиненіе русскихъ грекамъ, но и прямое церковно-административное подчиненіе русской церкви греческой. Такія отношенія, развѣ установившись, благодаря политической, религіозной и культурной незрѣлости русскихъ, могли продолжаться очень долго. Но эти отношенія должны были сильно измѣниться, какъ скоро у русскихъ явилось сознаніе своей политической и народной силы, не допускающей какой-либо видимой, рѣзко выраженной зависимости отъ другого народа, какъ скоро русскіе въ дѣлахъ вѣры и благочестія сознали себя ни въ чемъ не уступающими грекамъ, и свою церковь настолько выросшею и окрѣпшею, что она уже не нуждалась болѣе въ дальнѣйшей опекѣ и руководствѣ съ чьей бы то ни было стороны. Наконецъ, греческое вліяніе на Русь, опиравшееся на культурное превосходство грековъ надъ русскими, должно было пасть окончательно: или когда русскіе успѣютъ запасться, съ теченіемъ времени, своими соб-

¹⁾ После принятія христіанства отъ грековъ, говоритъ Оларій. „русскіе стали считать грековъ за людей, какъ бы болѣе святыхъ и набожныхъ чѣмъ они, русскіе“ (Чт. общ. кт. и древн. 1869 г. кн. 4, стр. 308).

ственными культурными силами и средствами, которые сдѣлаютъ ненужною дальнѣйшую подавляющую опеку грековъ; или — когда для нихъ откроются иные пути пріобрѣтенія научныхъ знаній, иные центры образованности, высшей и совершеннѣйшей, нежели образованность грековъ.

Первое проявленіе русской самостоятельности сказалось прежде всего относительно церковно-правительственнаго значенія грековъ на Руси и выразилось въ стремленіи имѣть митрополита, избранника великаго князя. Изъ страны, раздѣленной на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ, постоянно враждовавшихъ между собою и истощавшихъ свои силы во взаимной борьбѣ, Русь постепенно стала превращаться въ единое государство, съ единою властью и центромъ,—стала выростать, крѣпнуть и усиливаться Москва, а въ ней власть великаго князя, доросшая, наконецъ, до значенія всероссийской. Съ развитіемъ политической силы и самосознанія тѣсно связывается обыкновенно и самосознаніе церковное: сильное, независимое государство стремится и церковь у себя сдѣлать независимой отъ стороннихъ вліяній. Въ силу этого, все болѣе крѣпшая и развивавшаяся власть великаго князя московскаго уже съ неудовольствіемъ начинаетъ смотрѣть на чуждаго и независимаго отъ нея представителя русской церкви; она, во имя государственныхъ интересовъ, заявляетъ желаніе имѣть своего митрополита, своего не въ томъ только смыслѣ, чтобы онъ былъ русскій, но и въ томъ, чтобы онъ былъ избранникъ великаго князя. Верховныя права константинопольскаго патріарха надъ русскою церковью еще не отрицаются, онъ по прежнему ставитъ митрополитовъ на Русь, но ему все чаще и чаще приходится ставить не только русскихъ, но именно тѣхъ, кого посылаетъ къ нему для посвященія великій князь, который неохотно и съ трудомъ начинаетъ принимать митрополита, не своего избранника. Въ этомъ уже сказалась довольно глубокая перемѣна въ отношеніяхъ русскихъ къ греческой церкви,—предшествовавшее всецѣлое подчиненіе русской церкви греческой въ церковно-правительственномъ отношеніи теперь кажется русскимъ уже стѣснительнымъ и несправедливымъ, хотя верховныя права константи-

попольскаго патріарха падъ русскою церковью еще и не отрицаются.

Болѣе кореннымъ и рѣшительнымъ образомъ отношенія русскихъ къ греческой церкви измѣнились, когда русскіе заподозрили чистоту и твердость въ православіи своихъ бывшихъ опекуновъ и учителей—грековъ, когда они убѣдились въ ихъ вѣроисповѣдныхъ колебаніяхъ, т.-е. съ половины XV вѣка.

До слуха русскихъ, вѣроятно, уже не разъ кое-что доходило о замыслахъ грековъ измѣнить православію и соединиться съ латинами. Когда московскій митрополитъ Исидоръ отправился на соборъ во Флоренцію, великій князь счелъ нужнымъ предостеречь его, чтобы онъ привезъ на Русь ся прежнее неизмѣнное православіе, которое она приняла при св. Владимірѣ. Когда Исидоръ воротился съ собора, то отъ него и его спутниковъ русскіе узнаютъ, что греческій императоръ, патріархъ и многіе іерархи измѣнили православію и соединились съ латинами, что митрополитъ Исидоръ, тоже перешедшій на сторону латинянъ, воротился въ Москву съ цѣлью привести православную Русь къ уніи съ латинами. А между тѣмъ тѣ же самые греки, которые теперь соединились съ латинами и къ тому же побуждаютъ русскихъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно твердили русскимъ, что изъ всѣхъ еретиковъ самые злѣйшіе—латиняне, что православному даже просто сообщаться съ ними, ѣсть изъ одного блюда не слѣдуетъ, такъ какъ всякое общеніе съ ними уже грозитъ ему заразою, оскверненіемъ. Русскіе безусловно вѣрили своимъ учителямъ, вполне усвоили ихъ воззрѣніе на латинянъ, какъ на самыхъ опасныхъ и злыхъ еретиковъ. Поизвѣстно теперь, какое потрясающее, глубокое впечатлѣніе произвело на русскихъ то обстоятельство, что ихъ бывшіе учителя и руководители въ религіозной жизни, греки, открыто измѣнили православію, соединившись съ латинами, и не только сами, но и русскихъ хотятъ привлечь къ этому беззаконному союзу съ злѣйшими еретиками, не только сами потеряли православіе, но задумали искоренить его и на святой Руси. Если этотъ злой замыселъ грековъ относительно Руси не удался, то единственно благодаря великому князю, который мужественно

ополчился на защиту русскаго, не оскверненнаго православія и изгналъ изъ православной Руси предателя уніата—митрополита Исидора. Принятіе греками флорентійской уніи имѣло рѣшающее значеніе для всѣхъ послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ: русскіе болѣе уже не вѣрили грекамъ, всегда подозрѣвали искренность и чистоту ихъ православія, не хотѣли болѣе признавать ихъ своими учителями и руководителями, не хотѣли болѣе зависѣть отъ нихъ и подчиняться имъ, стали сторониться отъ нихъ, избѣгать всякаго тѣснаго сближенія съ ними, какъ могущими своимъ еретичествомъ внести смуту и въ русскую среду.

Вслѣдъ за флорентійской уніей послѣдовало другое событіе, глубоко потрясшее и поразившее русскихъ: Константинополь, бывшая столица и центръ всего православія, откуда, до самаго послѣдняго времени, исходила для Россіи высшая церковная власть, на который русскіе привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, окончательно палъ отъ руки безбожныхъ агарянъ. Подобныя потрясающія бѣдственныя событія совершаются не даромъ, они допускаются Божественнымъ Промысломъ за какой-нибудь великій народный грѣхъ. Русскіе не затруднились указать на этотъ великій народный грѣхъ, за который Господь попустилъ овладѣть Царьградомъ безбожнымъ агарянамъ: Константинополь палъ потому, что греки отступили отъ православія, за незаконный союзъ съ латинами греки потеряли свое царство. Такъ первый русскими поставленный митрополитъ Іона, въ своемъ окружномъ посланіи литовскимъ епископамъ 1458 года, говоритъ: «и о семъ сами вѣсте, сынове, колику прежде бѣду подья Царьствующій градъ отъ болгаръ, также отъ персовъ, яко въ мрежахъ дрѣжаще его семь лѣтъ, но подрѣжаху донележе, сынове, благочестіе, ничтоже градъ пострадавше; (егда же) своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадавше, какова плѣненія и смерти различныя быша, о душахъ же ихъ Богъ вѣсть единъ» ¹⁾. Митрополитъ Филиппъ, въ началѣ 1471 года, увѣщевая возмущившихся новгородцевъ, задумавшихъ предаться литовскому королю, оставаться вѣрными великому князю московскому, писалъ: «а и то,

¹⁾ А. И. 1. № 63.

сынове, разумѣйте: царствующій градъ и церкви Божія—Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ-ли солнце сіяло въ благочестіи? а какъ, оставя истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ папѣ злата дѣля, и безгодне скончалъ животъ свой Іосифъ патріархъ, не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ турецкихъ-ли рукахъ и нынѣ?»¹⁾ Инокъ Филосеей говоритъ, что Константинополь потому палъ отъ руки турокъ, «понеже они (греки) предаша греческую вѣру въ латынство»²⁾. Такъ сложилось у русскихъ убѣжденіе, что Константинополь палъ потому, что тамъ, вслѣдствіе уніи съ латинами, уже перестало сіять прежнее благочестіе, и что греки, потерявъ своего царства, наказаны были за свое вѣроотступничество.

Ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что русскіе не только не хотѣли, какъ прежде, принимать митрополитовъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, или посылать туда для посвященія своихъ выборныхъ, но и внесли въ архіерейскую присягу обязательство вообще не принимать на Русь никого, поставленнаго въ Константинополь. Русскіе теперь боялись, какъ бы ихъ бывшіе учителя и руководители, греки, не заразили и ихъ своимъ нечестіемъ; тѣсный союзъ съ греческою церковью, а тѣмъ болѣе прежнее подчиненное и зависимое отъ нея положеніе представлялось русскимъ уже опаснымъ для чистоты ихъ собственнаго православія, которое съ этого времени рѣзко было отличено отъ современнаго греческаго православія. Но была во всемъ этомъ дѣлѣ и другая важная сторона.

Греческое православное царство пало, его столица перешла въ руки враговъ вѣры Христовой, но вѣдь Константинополь былъ центромъ, главою всего православнаго міра: въ немъ сосредоточивались и высшее церковное управленіе, и высшее христіанское знаніе, и вѣковая опытность въ церковной жизни; въ Константинополь обращались всѣ православные народы за рѣшеніемъ возникавшихъ у нихъ вопросовъ и недоумѣній; изъ него каждый народъ получалъ

¹⁾ Ibid. № 280.

²⁾ Прав. собесѣд. 1861 г. кн. 2, стр. 90.

все необходимое ему для его духовно-религиозной жизни. Съ паденіемъ Константинополя православный міръ лишился своего главы, привычнаго центра, такъ какъ невозможно было думать, что онъ, и при господствѣ въ немъ враговъ креста Христова, удержалъ свое прежнее значеніе для православнаго міра; казалось невозможнымъ, чтобъ столица мусульманскаго властителя осталась по-прежнему и столицею православія. Хорошо было извѣстно, какъ господство мусульманъ заявило себя относительно христіанства въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи, — оно или въ конецъ истребило тамъ христіанство, или сузило его до минимума. Но и умаливъ христіанство до крайности, оно все-таки заставляетъ его жить жизнію подневольною, не свободною, во всемъ стѣсненною, подъ вѣчнымъ страхомъ за свое конечное истребленіе. То же самое, конечно, будетъ и съ поработченнымъ Константинополемъ. Теперь грекамъ уже не до господства, не до руководящей роли: вся ихъ забота и всѣ силы будутъ сосредоточены на охраненіи отъ окончательнаго крушенія того, что у нихъ еще осталось. Жизнь спокойная, саморазвивающаяся, жизнь какъ центра и опоры всего православнаго міра, казалась уже болѣе невозможною для Константинополя, и потому невольно возникалъ вопросъ: разобьется ли православный міръ, объединяемый ранѣе главенствомъ и всецѣлымъ преобладаніемъ Константинополя, на отдѣльные, независимые мірки, обнимающіе каждый определенную народность; или появится у православныхъ новая глава, новый центръ, который займетъ мѣсто Константинополя; или, наконецъ, Константинополь и подъ властью турокъ удержитъ для православнаго міра то же значеніе, какое онъ имѣлъ и до своего паденія? Русскіе задали себѣ эти вопросы и отвѣтили на нихъ.

По мнѣнію русскихъ книжныхъ людей, греки уже чрезъ унію съ латинами потеряли свое право на первенство и руководящее значеніе въ православномъ мірѣ; паденіе Константинополя окончательно и очевиднымъ для всѣхъ образомъ подтвердило этотъ приговоръ надъ греками; мѣсто грековъ въ православномъ мірѣ долженъ былъ, очевидно, занять другой народъ. Но всѣ православные народы, вмѣстѣ съ греками, были покорены турками, исключая однихъ рус-